

Омар Хайям Рубаи

*О себе и о мире я знаю не больше
Тех глупцов, что усердно читают меня.*

1

Вот снова день исчез, как ветра легкий стон,
Из нашей жизни, друг, навеки выпал он.
Но я, покуда жив, тревожиться не стану
О дне, что отошел, и дне, что не рожден.

2

Откуда мы пришли? Куда свой путь вершим?
В чем нашей жизни смысл? Он нам непостижим.
Как много чистых душ под колесом лазурным
Сгорает в пепел, в прах, а где, скажите, дым?

3

Лепящий черепа таинственный гончар
Особый проявил к сему искусству дар:
На скатерть бытия он опрокинул чашу
И в ней пылающий зажег страстей пожар.

4

Будь все добро мое кирпич один, в кружало
Его бы я отнес в обмен на полбокала.
Как завтра проживу? Продам чалму и плащ,
Ведь не святая же Мария их соткала.

5

Гора, вина хлебнув, и то пошла бы в пляс.
Глупец, кто для вина лишь клевету припас.
Ты говоришь, что мы должны вина чураться?
Вздор! Это дивный дух, что оживляет нас.

6

Как надоели мне несносные ханжи!
Вина подай, саки, и, кстати, заложу
Тюрбан мой в кабаке и мой молельный коврик;
Не только на словах я враг всей этой лжи.

7

Благоговейно чтят везде стихи корана,
Но как читают их? Не часто и не рьяно.
Тебя ж, сверкающий вдоль края кубка стих,
Читают вечером, и днем, и утром рано.

8

Дивлюсь тебе, гончар, что ты имеешь дух
Мять глину, бить, давать ей сотни оплеух,
Ведь этот влажный прах трепещущей был плотью.
Покуда жизненный огонь в нем не потух.

9

Знай, в каждом атоме тут, на земле, таится
Дышавший некогда кумир прекраснотлицый.
Снимай же бережно пылинку с милых кос:
Прелестных локонов была она частицей.

10

Увы, не много дней нам здесь побыть дано,
Прожить их без любви и без вина – грешно.
Не стоит размышлять, мир этот стар иль молод:
Коль суждено уйти – не все ли нам равно?

11

О, если б, захватив с собой стихов диван
Да в кувшине вина и сунув хлеб в карман,
Мне провести с тобой денек среди развалин, -
Мне позавидовать бы мог любой султан.

12

Будь глух к ученому о боге суесловью,
Целуй кумир, к его прильнувши изголовью.
Покуда кровь твою не пролил злобный рок,
Свой кубок наполняй бесценных гроздий кровью.

13

Кумир мой, вылепил тебя таким гончар,

Что пред тобой луна своих стыдится чар.
Другие к празднику себя пусть украшают,
Ты – праздник украшать собой имеешь дар.

14

Кумир мой – горшая из горьких неудач!
Сам ввергнут, но не мной, в любовный жар и плач.
Увы, надеяться могу ль на исцеленье,
Раз тяжело занемог единственный мой врач?

15

Ты сердце бедное мое, господь, помилуй,
И грудь, которую томит огонь постылый,
И ноги, что всегда несут меня в кабак,
И руку, что сжимать так любит кубок милый.

16

Растить в душе побег унынья – преступленье,
Пока не прочтена вся книга наслажденья.
Лови же радости и жадно пей вино:
Жизнь коротка, увы! Летят ее мгновенья.

17

Скорей вина сюда! Теперь не время сну,
Я славить розами ланит хочу весну.
Но прежде Разуму, докучливому старцу,
Чтоб усыпить его, в лицо вином плесну.

18

День завтрашний – увы! – сокрыт от наших глаз!
Спешి использовать летящий в бездну час.
Пей, лунолика! Как часто будет месяц
Всходить на небосвод, уже не видя нас.

19

Лик розы освежен дыханием весны,
Глаза возлюбленной красой лугов полны,
Сегодня чудный день! Возьми бокал, а думы
О зимней стуже брось: они всегда грустны.

20

Друзья, бокал – рудник текучего рубина,
А хмель – духовная бокала сердцевина.
Вино, что в хрустале горит, – покровом слез
Едва прикрытая кровавая пучина.

21

Спросил у чаши я, прильнув устами к ней:
«Куда ведет меня череда ночей и дней?»
Не отрывая уст, ответила мне чаша:
«Ах, больше в этот мир ты не вернешься. Пей!»

22

Бокала полного веселый вид мне люб,
Звук арф, что жалобно при том звенит, мне люб,
Ханжа, которому чужда отрада хмеля, -
Когда он за сто верст, горами скрыт, – мне люб.

23

Разумно ль смерти мне страшиться? Только раз
Я ей взгляну в лицо, когда придет мой час.
И стоит ли жалеть, что я – кровавой слизи,
Костей и жил мешок – исчезну вдруг из глаз?

24

Призыв из кабака поднял меня от сна:
«Сюда, беспутные поклонники вина!
Пурпурной влагою скорей наполним чаши,
Покуда мера дней, как чаша, не полна».

25

Ах, сколько, сколько раз, вставая ото сна,
Я обещал, что впредь не буду пить вина,
Но нынче, господи, я не даю зарока:
Могу ли я не пить, когда пришла весна?

26

Смотри: беременна душою плоть бокала,

Как если б лилия чревата розой стала.
Нет, это пригоршня текучего огня
В утробе ясного, как горный ключ, кристалла.

27

Влюбленный на ногах пусть держится едва,
Пусть у него гудит от хмеля голова.
Лишь трезвый человек заботами снедаем,
А пьяному ведь все на свете трын-трава.

28

Мне часто говорят: «Поменьше пей вина!
В том, что ты пьянствуешь, скажи нам, чья вина?»
Лицо возлюбленной моей повинно в этом:
Я не могу не пить, когда со мной она.

29

В бокалы влей вина и песню затяни нам,
Свой голос примешав к стенаньям соловьиным!
Без песни пить нельзя, – ведь иначе вино
Нам разливалось бы без бульканья кувшином.

30

Запрет вина – закон, считающийся с тем,
Кем пьется, и когда, и много ли, и с кем.
Когда соблюдены все эти оговорки,
Пить – признак мудрости, а не порок совсем.

31

Как долго пленными нам быть в тюрьме мирской?
Кто сотню лет иль день велит нам жить с тоской?
Так лей вино в бокал, покуда сам не стал ты
Посудой глиняной в гончарной мастерской.

32

Налей, хоть у тебя уже усталый вид,
Еще вина: оно нам жизнь животворит,
О мальчик, поспеши! Наш мир подобен сказке,
И жизнь твоя, увы, без усталости бежит.

33

Пей, ибо скоро в прах ты будешь обращен.
Без друга, без жены твой долгий будет сон.
Два слова на ухо сейчас тебе шепну я:
«Когда тюльпан увял, расцвести не может он».

34

Все те, что некогда, шумя, сюда пришли
И обезумели от радостей земли,-
Пригубили вина, потом умолкли сразу
И в лоно вечного забвения легли.

35

Я к гончару зашел: он за комком комок
Клал глину влажную на круглый свой станок:
Лепил он горлышки и ручки для сосудов
Из царских черепов и из пастушьих ног.

36

Пускай ты прожил жизнь без тяжких мук, – что дальше?
Пускай твой жизненный замкнулся круг, – что дальше?
Пускай, блаженствуя, ты проживешь сто лет
И сотню лет еще, – скажи, мой друг, что дальше?

37

Приход наш и уход загадочны, – их цели
Все мудрецы земли осмыслить не сумели,
Где круга этого начало, где конец,
Откуда мы пришли, куда уйдем отселе?

38

Хоть сотню проживи, хоть десять сотен лет,
Придется все-таки покинуть этот свет,
Будь падишахом ты иль нищим на базаре,-
Цена тебе одна: для смерти санов нет.

39

Ты видел мир, но все, что ты видал, – ничто.

Все то, что говорил ты и слышал, – ничто.
Итог один, весь век ты просидел ли дома,
Иль из конца в конец мир исшагал, – ничто.

40

От стрел, что мечет смерть, нам не найти щита:
И с нищим, и с царем она равно крута.
Чтоб с наслажденьем жить, живи для наслажденья,
Все прочее – поверь! – одна лишь суета.

41

Где высился чертог в далекие года
И проводила дни султанов череда,
Там ныне горлица сидит среди развалин
И плачет жалобно: «Куда, куда, куда?»

42

Я утро каждое спешу скорей в кабак
В сопровождении товарищей-гуляк.
Коль хочешь, господи, сдружить меня с молитвой,
Мне веру подари, святой податель благ!

43

Моей руке держать кувшин вина – отрада;
Священных свитков ей касаться и не надо:
Я от вина промок; не мне, ханжа сухой,
Не мне, а вот тебе опасно пламя ада.

44

Нас, пьяниц, не кори! Когда б господь хотел,
Он ниспослал бы нам раскаянье в удел.
Не хвастай, что не пьешь – немало за тобою,
Приятель, знаю я гораздо худших дел.

45

Блуднице шейх сказал: «Ты, что ни день, пьяна,
И что ни час, то в сеть другим завлечена!»
Ему на то: «Ты прав; но ты-то сам таков ли,
Каким всем кажешься?» – ответила она.

46

За то, что вечно пьем и в опьяненье пляшем,
За то, что почести оказываем чашам,
Нас не кори, ханжа! Мы влюблены в вино,
И милые уста всегда к услугам нашим.

47

Над краем чаши мы намазы совершаем,
Вином пурпуровым свой дух мы возвышаем;
Часы, что без толку в мечетях провели,
Отныне в кабаке наверстывать решаем.

48

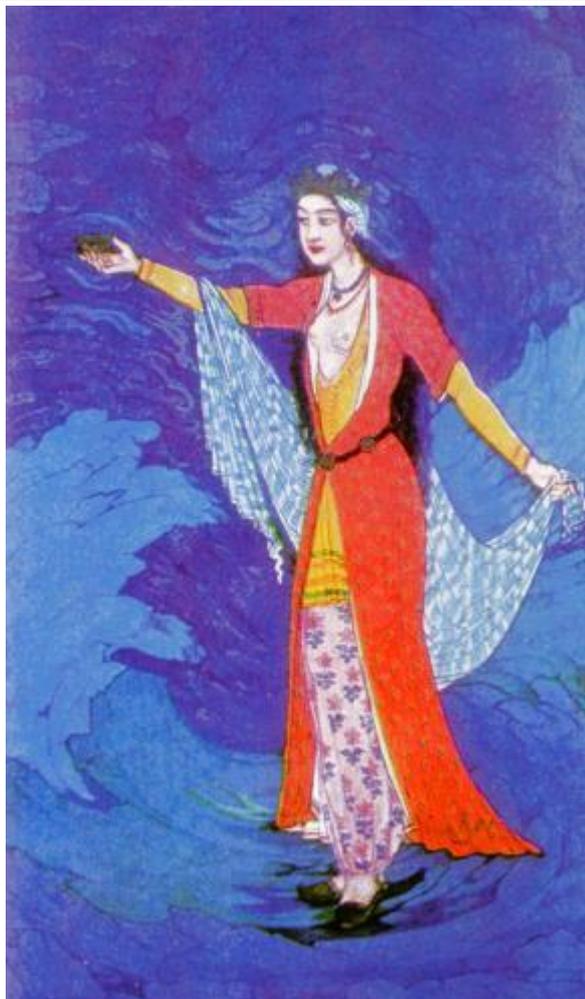
Ужели бы гончар им сделанный сосуд
Мог в раздражении разбить, презрев свой труд?
А сколько стройных ног, голов и рук прекрасных,
Любовно сделанных, в сердцах разбито тут!

49

Небесный свод жесток и скуп на благодать,
Так лей же и на трон веселия воссядь.
Пред господом равны и грех и послушанье,
Бери ж от жизни все, что только можешь взять.

50

День каждый усладдай вином, – нет, каждый час:
Ведь может лишь оно мудрее сделать нас,
Когда бы некогда Ивлис вина напился,
Перед Адамом он склонился б двести раз.

51

Мудрец приснился мне. «Веселья цвет пригожий
Во сне не расцветет, – мне молвил он, – так что же
Ты предаешься сну? Пей лучше гроздий сок,
Успеешь выспаться, в сырой могиле лежа».

52

Жестокий этот мир нас подвергает смене
Безвыходных скорбей, безжалостных мучений.
Блажен, кто побыл в нем недолго и ушел,
А кто не приходил совсем, еще блаженней.

53

От страха смерти я, – поверьте мне, – далек:
Страшнее жизни что мне приготовил рок?
Я душу получил на подержанье только
И возвращу ее, когда наступит срок.

54

С тех пор, как на небе Венера и Луна,
Кто видел что-нибудь прекраснее вина?
Дивлюсь, что продают его виноторговцы:
Где вещь, что ценностью была б ему равна?

55

Твои дары, о жизнь, – унынье и туга;
Хмельная чаша лишь одна нам дорога.
Вино ведь – мира кровь, а мир – наш кровопийца,
Так как же нам не пить кровь кровного врага?

56

Поток вина – родник душевного покоя,
Врачует сердце он усталое, больное.
Потоп отчаянья тебе грозит? Ищи
Спасение в вине: ты с ним в ковчеге Ноя.

57

Венец с главы царя, корону богдыханов
И самый дорогой из пресвятых тюрбанов
За песнь отдал бы я, на кубок же вина
Я б четки променял, сию орду обманов.

58

Не зарекайся пить бесценных гроздий сок,
К себе раскаянье тыпустишь на порог.
Рыдают соловьи, и расцветают розы...
Ужели в час такой уместен твой зарок?

59

Друг, в нищете своей отдай себе отчет!
Ты в мир ни с чем пришел, могила все возьмет.
«Не пью я, ибо смерть близка», – мне говоришь ты;
Но пей ты иль не пей – она в свой час прядет.

60

Тревога вечная мне не дает вздохнуть,

От стонов горестных моя устала грудь.
Зачем пришел я в мир, раз – без меня ль, со мной ли -
Все так же он вершит свой непонятный путь?

61

Водой небытия зародыш мой вспоен,
Огнем страдания мой мрачный дух зажжен;
Как ветер, я несусь из края в край вселенной
И горсточкой земли окончу жизни сон.

62

Несовместимых мы всегда полны желаний:
В одной руке бокал, другая – на коране.
И так вот мы живем под сводом голубым,
Полубезбожники и полумусульмане.

63

Из всех, которые ушли в тот дальний путь,
Назад вернулся ли хотя бы кто-нибудь?
Не оставляй добра на перекрестке этом:
К нему возврата нет, – об этом не забудь.

64

Нам с гуриями рай сулят на свете том
И чаши, полные пурпуровым вином.
Красавиц и вина бежать на свете этом
Разумно ль, если к ним мы все равно придем?

65

От вешнего дождя не стало холодней;
Умыло облако цветы, и соловей
На тайном языке взывает к бледной розе:
«Красавица, вина пурпурного испей!»

66

Вы говорите мне: «За гробом ты найдешь
Вино и сладкий мед. Кавсер и гурий». Что ж,
Тем лучше. Но сейчас мне кубок поднесите:
Дороже тысячи в кредит – наличный грош.

67

В тот час, как свой наряд фиалка расцветит
И ветер утренний в весенний сад влетит,
Блажен, кто сядет пить вдвоем с сереброгрудой
И разобьет потом бокал о камень плит.

68

Я пьяным встретил раз пред дверью кабака
С молельным ковриком и кубком старика;
Мой изумленный взор заметив, он воскликнул:
«Смерть ждет нас впереди, давай же пить пока!»

69

Сей жизни караван не мешкает в пути:
Повеселившись чуть, мы прочь должны уйти.
О том, что завтра ждет товарищей, не думай,
Неси вина сюда, – уж рассвело почти.

70

Пред взором милых глаз, огнем вина объятый,
Под плеск ладоней в пляс лети стопой крылатой!
В десятом кубке прок, ей-ей же, не велик:
Чтоб жажду утолить, готовь шестидесятый.

71

Увы, от мудрости нет в нашей жизни прока,
И только круглые глупцы – любимцы рока.
Чтоб ласковей ко мне был рок, подай сюда
Кувшин мутящего нам ум хмельного сока.

72

Один Телец висит высоко в небесах,
Другой своим хребтом поддерживает прах.
А меж обоими тельцами, – поглядите, -
Какое множество ослов пасет аллах!

73

Общаясь с дураком, не оберешься срама,

Поэтому совет ты выслушай Хайяма:
Яд, мудрецом тебе предложенный, прими,
Из рук же дурака не принимай бальзама.

74

Чтоб угодить судьбе, глушить полезно ропот.
Чтоб людям угодить, полезен льстивый шепот.
Пытался часто я лукавить и хитрить,
Но всякий раз судьба мой посрамляла опыт.

75

О чадо четырех стихий, внемли ты вести
Из мира тайного, не знающего лести!
Ты зверь и человек, злой дух и ангел ты;
Все, чем ты кажешься, в тебе таится вместе.

76

Прославься в городе – возбудишь озлобленье,
А домоседом стань – возбудишь подозренье,
Не лучше ли тебе, хотя б ты Хызром был,
Ни с кем не знаться, жить всегда в уединеньи?

77

В молитве и посте я, мнилось мне, нашел
Путь к избавлению от всех грехов и зол;
Но как-то невзначай забыл про омовенье,
Глоток вина хлебнул – и прахом пост пошел.

78

Молитвы побоку! Избрав благую часть,
В беспутство прежнее решил я снова впасть
И, шею вытянув, как горлышко сосуда,
К сосудам кабака присасываюсь всласть.

79

Мы пьем не потому, что тянемся к веселью,
И не разнузданность себе мы ставим целью.
Мы от самих себя хотим на миг уйти
И только потому к хмельному склонны зелью.

80

Ко мне ворвался ты, как ураган, господь,
И опрокинул мне с вином стакан, господь!
Я пьянству предаюсь, а ты творишь бесчинства?
Гром разрази меня, коль ты не пьян, господь!

81

Скорее пробудись от сна, о мой саки!
Налей пурпурного вина, о мой саки!
Пока нам черепа не превратили в чаши,
Пусть будет пара чаш полна, о мой саки!

82

Огню, сокрытому в скале, подобен будь,
А волны смерти все ж к тебе разыщут путь.
Не прах ли этот мир? О, затяни мне песню!
Не дым ли эта жизнь? Вина мне дай хлебнуть!

83

Усами я мету кабацкий пол давно,
Душа моя глуха к добру и злу равно.
Обрушься мир, – во сне хмельном пробормочу я:
«Скатилось, кажется, ячменное зерно».

84

Сей мир, в котором ты живешь, – мираж, не боле,
Так стоит ли роптать и жаждать лучшей доли?
С мученьем примиришь и с роком не воюй:
Начертанное им стереть мы в силах, что ли?

85

Ты все пытаешься проникнуть в тайны света,
В загадку бытия... К чему, мой друг, все это?
Ночей и дней часы беспечно проводи,
Ведь все устроено без твоего совета.

86

Пред пьяным соловьем, влетевшим в сад, сверкал

Средь роз смеющихся смеющийся бокал,
И, подлетев ко мне, певец любви на тайном
Наречии: «Лови мгновение!» – сказал.

87

Мне чаша чистого вина всегда желанна,
И стоны нежных флейт я б слушал неустанно.
Когда гончар мой прах преобразит в кувшин,
Пусть наполненным он будет постоянно.

88

Увы, нас вычеркнет из книги жизни рок,
И смертный час от нас, быть может, недалек.
Не медли же, саки, неси скорее влагу,
Чтоб ею оросить наш прах ты завтра мог.

89

Доколе будешь нас корить, ханжа ты скверный,
За то, что к кабаку горим любовью верной?
Нас радуют вино и милая, а ты
Опутан четками и ложью лицемерной.

90

Поменьше размышляй о зле судьбины нашей,
С утра до вечера не расставайся с чашей,
К запретной дочери лозы присядь, – она
Своей дозволенной родительницы краше.

91

Охотно платим мы за всякое вино, А мир?
Цена ему – ячменное зерно.
«Окончив жизнь, куда уйдем?» Вина налей мне
И можешь уходить, – куда, мне все равно.

92

С друзьями радуйся, пока ты юн, весне:
В кувшине ничего не оставляй на дне!
Ведь был же этот мир водой когда-то залит.
Так почему бы нам не утонуть в вине?

93

Отречься от вина? Да это все равно,
Что жизнь свою отдать! Чем возместишь вино?
Могу ль я сделаться приверженцем ислама,
Когда им высшее из благ запрещено?

94

На мир – пристанище немногих наших дней -
Я долго устремлял пылливый взор очей.
И что ж? Твое лицо светлей, чем светлый месяц;
Чем стройный кипарис, твой чудный стан прямей.

95

Чье сердце не горит любовью страстной к милой,-
Без утешения влачит свой век унылый.
Дни, проведенные без радостей любви,
Считаю тяготой ненужной и постылой.

96

Скажи, за что меня преследуешь, о небо?
Будь камни у тебя, ты все их слало, мне бы.
Чтоб воду получить, я должен спину гнуть,
Бродяжить должен я из-за краюхи хлеба.

97

Богатством, – слова нет, – не заменить ума,
Но неимущему и рай земной – тюрьма.
Фиалка нищая склоняет лик, а роза
Смеется: золотом полна ее сума.

98

Тому, на чьем столе надтреснутый кувшин
Со свежеею водой и только хлеб один,
Увы, приходится пред тем, что ниже, гнуться
Иль называть того, кто равен, «господин».

99

О, если б каждый день иметь краюху хлеба,

Над головою кров и скромный угол, где бы
Ничьим владыкою, ничьим рабом не быть!
Тогда благословить за счастье можно б небо.

100

На чьем столе вино, и сладости, и плов?
Сырого неуча. Да, рок – увы – таков!
Турецкие глаза – красивейшие в мире -
Находим у кого? Обычно у рабов.

101

Я знаю этот вид напыщенных ослов:
Пусты, как барабан, а сколько громких слов!
Они – рабы имен. Составь себе лишь имя,
И ползать пред тобой любой из них готов.

102

О небо, я твоим вращеньем утомлен,
К тебе без отклика возносится той стон.
Невежд и дурней лишь ты милуешь, – так знай же:
Не так уже я мудр, не так уж просвещен.

103

Напрасно ты винишь в непостоянстве рок;
Что не в накладе ты, тебе и невдомек.
Когда б он в милостях своих был постоянен,
Ты б очереди ждать своей до смерти мог.

104

Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало.
Два важных правила запомни для начала:
Ты лучше голодай, чем что попало есть,
И лучше будь один, чем вместе с кем попало.

105

Чтоб счастье испытать, вина себе налей,
День нынешний презри, о прошлых не жалеи,
И цепи разума хотя б на миг единый,
Тюремщик временный, сними с души своей.

106

Мне свят веселый смех иль пьяная истома,
Другая вера мне иль ересь незнакома.
Я спрашивал судьбу: «Кого же любишь ты?»
Она в ответ: «Сердца, где радость вечно дома».

107

Пусть не томят тебя пути судьбы проклятой,
Пусть не волнуют грудь победы я утраты.
Когда покинешь мир – ведь будет все равно,
Что делал, говорил, чем запятнал себя ты.

108

День завтрашний от нас густою мглой закрыт,
Одна лишь мысль о нем пугает и томит.
Летучий этот миг не упускай! Кто знает,
Не слезы ли тебе грядущее сулит?

109

Что б ты ни делал, рок с кинжалом острым – рядом,
Коварен и жесток он к человеческим чадам.
Хотя б тебе в уста им вложен пряник был,-
Смотри, не ешь его, – он, верно, смешан с ядом.

110

О, как безжалостен круговорот времен!
Им ни один из всех узлов не разрешен:
Но, в сердце чьем-нибудь едва заметив рану,
Уж рану новую ему готовит он.

111

Под этим небом жизнь – терзаний череда,
А сжалится ль оно над нами? Никогда.
О нерожденные! Когда б о наших муках
Вам довелось узнать, не шли бы вы сюда.

112

Мужи, чьей мудростью был этот мир пленен,
В которых светочей познания видел он,
Дороги не нашли из этой ночи темной,
Посуесловили и погрузились в сон.

113

Мне так небесный свод сказал: «О человек,
Я осужден судьбой на этот страшный бег.
Когда б я властен был над собственным вращеньем,
Его бы я давно остановил навек».

114

Мы чистыми пришли, – с клеймом на лбах уходим,
Мы с миром на душе пришли, – в слезах уходим,
Омытую водой очей и кровью жизнь
Пускаем на ветер и снова в прах уходим.

115

Когда б в желаниях я быть свободным мог
И власть бы надо мной утратил злобный рок,
Я был бы рад на свет не появляться вовсе,
Чтоб не было нужды уйти чрез краткий срок.

116

Однажды встретился пред старым пепелищем
Я с мужем, жившим там отшельником и нищим;
Чуждался веры он, законов, божества:
Отважнее его мы мужа не отыщем.

117

Будь милосердна, жизнь, мой виночерпий злой!
Мне лжи, бездушия и подлости отстой
Довольно подливать! Поистине, из кубка
Готов я выплеснуть напиток горький твой.

118

О сердце, твой удел, – вовек не зная сна,
Из чаши скорби пить, испить ее до дна.
Зачем, душа, в моем ты поселилась теле,
Раз из него уйти ты все равно должна?

119

Кого из нас не ждет последний, Страшный суд,
Где мудрый приговор над ним произнесут?
Предстанем же в тот день, сверкая белизною:
Ведь будет осужден весь темноликий люд.

120

Кто в тайны вечности проник? Не мы, друзья,
Осталась темной нам загадка бытия,
За пологом про «я» и «ты» порою шепчут,
Но полог упадет – и где мы, ты и я?

121

Никто не лицезрел ни рая, ни геенны;
Вернулся ль кто-нибудь оттуда в мир наш тленный?
Но эти призраки бесплотные – для нас
И страхов и надежд источник неизменный.

122

Для тех, кто искушен в коварстве нашей доли,
Все радости и все мученья не одно ли?
И зло и благо нам даны на краткий срок,-
Лечиться стоит ли от мимолетной боли?

123

Ты знаешь, почему в передрагасветный час
Петух свой скорбный клич бросает столько раз?
Он в зеркале зари увидеть понуждает,
Что ночь – еще одна – прошла тайком от нас.

124

Небесный круг, ты – наш извечный супостат!
Нас обездоливать, нас истязать ты рад.
Где б ни копнуть, земля, в твоих глубинах, – всюду
Лежит захваченный у нас бесценный клад.

125

Ответственность за то, что краток жизни сон,
Что ты отрадою земною обделен,
На бирюзовый свод не возлагай угрюмо:
Поистине, тебя беспомощнее он.

126

Свод неба, это – горб людского бытия,
Джейхун – кровавых слез ничтожная струя,
Ад – искра из костра безвыходных страданий,
Рай – радость краткая, о человек, твоя!

127

Мне без вина прожить и день один – страданье.
Без хмеля я с трудом влачу существованье.
Но близок день, когда мне чашу подадут,
А я поднять ее не буду в состояньи.

128

Ты, книга юности, дочитана, увы!
Часы веселия, навек умчались вы!
О птица-молодость, ты быстро улетела,
Ища свежей лугов и зеленой листвы.

129

Недолог розы век: чуть расцвела – увяла,
Знакомство с ветерком едва свела – увяла.
Недели не прошло, как родилась она,
Темницу тесную разорвала – увяла.

130

Лишь на небе рассвет займется еле зримый,
Тяни из чаши сок лозы неоценимой!
Мы знаем: истина в устах людей горька,-
Так, значит, истиной вино считать должны мы.

131

Прочь мысли все о том, что мало дал мне свет.
И нужно ли бежать за наслажденьем вслед!
Поддай вина, саки! Скорей, ведь я не знаю,
Успею ль, что вдохнул, я выдохнуть иль нет.

132

С тех пор, как отличать я руки стал от ног,
Ты руки мне связал, безмерно подлый рок,
Но взыщешь и за дни, когда мне не сверкали
Ни взор красавицы, ни пьяных гроздий сок.

133

Наполнил зернами бессмертный Ловчий сети,
И дичь попала в них, польстясь на зерна эти.
Назвал он эту дичь людьми и на нее
Взвалил вину за зло, что сам творит на свете.

134

Раз божьи и мои желанья несходны,
Никак не могут быть мои богоугодны.
Коль воля господа блага, то от грехов
Мне не спастись, увы, – усилия бесплодны.

135

Хоть мудрый шариат и осудил вино,
Хоть терпкой горечью пропитано оно,-
Мне сладко с милой пить. Недаром говорится:
«Мы тянемся к тому, что нам запрещено».

136

Я дня не провожу без кубка иль стакана,
Но нынешнюю ночь святую Рамазана
Хочу – уста к устам и грудь прижав к груди -
Не выпускать из рук возлюбленного жбана.

137

Обета трезвости не даст, кому вино -
Из благ сладчайшее, кому вся жизнь оно.
Кто в Рамазане дал зарок не пить, – да будет,
Хоть не свершать намаз ему разрешено.

138

Владыкой рая ли я вылеплен иль ада,
Не знаю я, но знать мне это и не надо:
Мой ангел, и вино, и лютия здесь, со мной,
А для тебя они – загробная награда.

139

Налей вина, саки! Тоска стесняет грудь;
Не удержать нам жизнь, текучую, как ртуть.
Не медли! Краток сон дарованного счастья.
Не медли! Юности, увы, недолог путь.

140

Увы, глоток воды хлебнуть не можешь ты,
Чтоб не прибавил рок и хмеля маеты;
Не можешь посолить ломоть ржаного хлеба.
Чтоб не задели ран соленые персты.

141

Сказала роза: «Ах, на розовый елей
Краса моя идет, которой нет милей!» -
«Кто улыбался миг, тот годы должен плакать», -
На тайном языке ответил соловей.

142

На происки судьбы злокозненной не сетуй,
Не утопай в тоске, водой очей согретой!
И дни и ночи пей пурпурное вино,
Пока не вышел ты из круга жизни этой.

143

Трава, которую – гляди! – окаймлена
Рябь звонкого ручья, – душиста и нежна.
Ее с презрением ты не топчи: быть может,
Из праха ангельской красы возшла она.

144

Фаянсовый кувшин, от хмеля как во сне,
Недавно бросил я о камень; вдруг вполне
Мне внятным голосом он прошептал:
«Подобен Тебе я был, а ты подобен будешь мне».

145

Вчера в гончарную зашел я в поздний час,
И до меня горшков беседа донеслась.
«Кто гончары, – вопрос один из них мне задал,-
Кто покупатели, кто продавцы средь нас?»

146

Когда, как деревцо, меня из бытия
С корнями вырвет рок и в прах рассыплюсь я,
Кувшин для кабака пусть вылепят из праха,-
Наполненный вином, я оживу, друзья.

147

Нам жизнь навязана; ее водоворот
Ошеломляет нас, но миг один – и вот
Уже пора уйти, не зная цели жизни,
Приход бессмысленный, бессмысленный уход!

148

То слышу я: «Не пей, сейчас у нас Шабан»,
А то: «Реджеб идет, не напивайся пьян».
Пусть так: то месяцы аллаха и пророка;
Что ж, изберу себе для пьянства Рамазан.

149

Когда ты для меня слепил из глины плоть,
Ты знал, что мне страстей своих не побороть;
Не ты ль тому виной, что жизнь моя греховна?
Скажи, за что же мне гореть в аду, господь?

150

Ты к людям милосерд? Да нет же, непохоже!
Изгнал ты грешника из рая отчего же?
Заслуга велика ль послушного простить?

Прости ослушника, о милосердный боже!

151

Когда-нибудь, огнем любовным обуян,
В душистых локонах запутавшись и пьян,
Паду к твоим ногам, из рук роняя чашу
И с пьяной головы растрепанный тюрбан.

152

Шабан сменяется сегодня Рамазаном,-
Расстаться надобно с приятелем-стаканом.
Я пред разлукой так в последний раз напьюсь,
Что буду месяц весь до разговенья пьяным.

153

Хоть – я и пьяница, о муфтий городской,
Степенен все же я в сравнении с тобой;
Ты кровь людей сосешь, – я лоз. Кто кровожадней,
Я или ты? Скажи, не покривив душой.

154

Пусть будет, пьяницы, кабак наполнен вами,
Плащи ханжей святых пускай охватит пламя,
Клочки почтенных ряс из шерсти голубой
Пускай волочатся под пьяными ногами!

155

Что я дружу с вином, не отрицаю, нет,
Но справедливо ли хулишь меня, сосед?
О, если б все грехи рождали опьяненье!
Тогда бы слышали мы только пьяный бред.

156

Прошу могилу мне с землей сровнять, да буду
Смиренья образцом всему честному люду;
Затем, смесив мой прах с пурпуровым вином,
Покрышку вылепить к кабацкому сосуду.

157

Дух рабства кроется в кумирне и в Каабе,
Трезвон колоколов – язык смиренья рабий,
И рабства черная печать равно лежит
На четках и кресте, на церкви и михрабе.

158

Бушуют в келиях, мечетях и церквах,
Надежда в рай войти и перед адом страх.
Лишь у того в душе, кто понял тайну мира,
Сок этих сорных трав весь высох и зачах.

159

Неправ, кто думает, что бог неумолим.
Нет, к нам он милосерд, хотя мы и грешим.
Ты в кабаке умри сегодня от горячки,-
Сей грех он через год простит костям твоим.

160

В глуби небес – бокал, невидимый для глаз;
Он уготован там для каждого из нас.
Поэтому, мой друг, к его краям устами
Прильни безропотно, когда придет твой час.

161

Что плоть твоя, Хайям? Шатер, где на ночевку,
Как странствующий шах, дух сделал остановку.
Он завтра на заре свой путь возобновит,
И смерти злой фарраш свернет шатра веревку.

162

Цветам и запахам владеть тобой доколе?
Доколь добру и злу твой ум терзать до боли?
Ты хоть Земземом будь, хоть юности ключом,-
В прах должен ты уйти, покорен общей доле.

163

Не унывай, мой друг! До месяца благого
Осталось мало дней, – нас оживит он снова,
Кривится стан луны, бледнеет лик его,-

Она от мук поста сойти на нет готова.

164

Чем омываться нам, как не вином, друзья?
Мила нам лишь в кабаке ведущая стезя.
Так будем пить! Ведь плащ порядочности нашей
Изодран, заплотать его уже нельзя.

165

Хмельная чаша нам хотя запрещена,
Не обходись и дня без песни и вина;
На землю выливай из полной чаши каплю,
А после этого всю осушай до дна.

166

Пусть пьяницей сльву, гулякой невозможным,
Огнепоклонником, язычником безбожным, -
Я, верен лишь себе, не придаю цены
Всем этим прозвищам – пусть правильным, пусть ложным.

167

Коль ты мне друг, оставь словесную игру
И мне вина налей; когда же я умру,
Из праха моего слепив кирпич, снеси ты
Его в кабаке и там заткни в стене дыру.

168

Когда последний вздох испустим мы с тобой,
По кирпичу на прах положат мой и твой.
А сколько кирпичей засушат надмогильных
Из праха нашего уж через год-другой!

169

Про вечность и про тлен оставим разговор,
В потоке мыслей я почувствовал затор.
Что может заменить вино в часы веселья?
Мгновенно перед ним стихает всякий спор.

170

Хочу упиться так, чтоб из моей могилы,
Когда в нее сойду, шел винный запах милый,
Чтоб вас он опьянял и замертво валил,
Мимойдущие товарищи-кутилы!

171

Упиться торопись вином: за шестьдесят
Тебе удастся ли перевалить? Навряд.
Покуда череп твой в кувшин не превратили,
Ты с кувшином вина не расставайся, брат.

172

Сегодня пятница: поэтому смени
На чашу кубок твой, а ежели все дни
И так из чаши пьешь, удвой ее сегодня:
Священный этот день особо помяни!

173

Полету ввысь, вино, ты учишь души наши,
С тобой, как с родинкой, красавец Разум краше.
Мы трезво провели весь долгий Рамазан,-
Вот наконец Шавваль. Наполни, кравчий, чаши!

174

Шавваль пришел. Вино, глушителя забот,
Пусть виночерпий нам по чашам разольет.
Намордник строгого поста, узду намазов
С ослиных этих морд благой Шавваль сорвет.

175

Когда бываю трезв, не мил мне белый свет.
Когда бываю пьян, впадает разум в бред.
Лишь состояние меж трезвостью и хмелем
Ценю я, – вне его для нас блаженства нет.

176

У мира я в плену, – я это вижу ясно:
Своею тягочусь природою всечасно.
Ни тот, ни этот мир постичь я не сумел,-

Пытливый разум свой я напрягал напрасно.

177

Скудеет в жилах кровь, скудеют наши силы;
Ах, мало ли сердце убил ты, рок постылый!
Кто в дальний путь ушел, тот навсегда исчез,
Нам некого спросить о крае за могилой.

178

Унылых осеней прошел над нами ряд,
И нашей жизни дни развеял листопад.
Пей! Ведь сказал мудрец, что лишь вина дурманом
Мы можем одолеть тоски душевной яд.

179

Саки, тоска моя кричит в припадке яром.
Чем излечить ее, как не хмельным угаром?
Седая борода мне не мешает пить:
Твое вино весну рождает в сердце старом.

180

Когда б я отравил весь мир своею скверной -
Надеюсь, ты б меня простил, о милосердный!
Но ты ведь обещал в нужде мне руку дать:
Не жди, чтоб сделалась нужда моя безмерной.

181

Когда от жизненных освобожусь я пут
И люди образ мой забвенью предадут,
О, если бы тогда – сказать ли вам? – для пьяниц
Из праха моего был вылеплен сосуд!

182

Когда б ты жизнь постиг, тогда б из темноты
И смерть открыла бы тебе свои черты.
Теперь ты сам в себе, а ничего не знаешь,-
Что ж будешь знать, когда себя покинешь ты?

183

Вплоть до Сатурна я обрыскал божий свет.
На все загадки в нем сумел найти ответ,
Сумел преодолеть все узы и преграды,
Лишь узел твой, о смерть, мной не распутан, нет!

184

Учению не один мы посвятили год,
Потом других учить пришел и нам черед.
Какие ж выводы из этой всей науки?
Из праха мы пришли, нас ветер унесет.

185

Умом ощупал я все мирозданья звенья,
Постиг высокие людской души паренья,
И, несмотря на то, уверенно скажу:
Нет состояния блаженней опьяенья.

186

Джемшида чашу я искал, не зная сна,
Когда же мной земля была обойдена,
От мужа мудрого узнал я, что напрасно
Так далеко ходил, – в моей душе она.

187

Пришел он, моего жизнекрушенья час;
Из темных волн, увы, я ничего не спас!
Джемшида кубок я, но миг – и он разбился;
Я факел радости, но миг – и он погас.

188

Палаток мудрости нашивший без числа,
В горнило мук упав, сгорел Хайям дотла.
Пресеклась жизни нить, и пепел за бесценок
Надежда, старая торговка, продала.

189

Когда вы за столом, как тесная семья,
Опять усядетесь, – прошу вас, о друзья,
О друге вспомянуть и опрокинуть чашу

На месте, где сидел средь вас, бывало, я.

190

Когда вселенную настигнет день конечный,
И рухнут небеса, и Путь померкнет Млечный,
Я, за полу схватив создателя, спрошу:
«За что же ты меня убил, владыка вечный?»

191

От веры к бунту – легкий миг один.
От правды к тайне – легкий миг один.
Испей полнее молодость и радость!
Дыханье жизни – легкий миг один.

192

Хотя стройнее тополя мой стан,
Хотя и щеки – огненный тюльпан,
Но для чего художник своенравный
Ввел тень мою в свой пестрый балаган?!

193

Подвижники изнемогли от дум.
А тайны те же душат мудрый ум.
Нам, неучам, – сок винограда свежий;
А им, великим, – высохший изюм.

194

«Вино пить – грех». Подумай, не спеши!
Сам против жизни явно не греси.
В ад посылать из-за вина и женщин?
Тогда в раю, наверно, ни души.

195

Сегодня – оргия. С моей женой,
Бесплодной дочкой Мудрости пустой,
Я развожусь! Друзья, и я в восторге.
И я женюсь – на дочке лоз простой.

196

Где вы, друзья! Где вольный ваш припев?
Еще вчера, за столик наш присев,
Беспечные, вы бражничали с нами...
И прилегли, от жизни охмелев!

197

Сияли зори людям – и до нас!
Текли дутою звезды – и до нас!
В комочке праха сером, под ногою,
Ты раздавил сиявший юный глаз.

198

Ловушки, ямы на моем пути -
Их бог расставил и велел идти.
И все предвидел. И меня оставил.
И судит! Тот, кто не хотел спасти!

199

Наполнив жизнь соблазном ярких дней,
Наполнив душу пламенем страстей,
Бог отреченья требует? Вот чаша,
Она полна. Нагни – и не пролей!

200

В полях – межа. Ручей. Весна кругом.
И девушка идет ко мне с вином.
Прекрасен миг! А стань о вечном думать,
И кончено: поджал бы хвост щенком!

201

Вчера на кровлю шахского дворца
Сел ворон. Череп шаха-гордеца
Держал в когтях и спрашивал: «Где трубы?
Трубите шаху славу без конца!»

202

Жизнь отцветает, горестно легка,
Осыплется от первого толчка.
Пей! Хмурый плащ – луной разорван в небе.
Пей! После нас – луне сиять века.

203

Где теперь эти люди мудрейшие нашей земли?
Тайной нити в основе творенья они не нашли.
Как они суесловили много о сущности бога,-
Весь свой век бородами трясли – и бесследно ушли.

204

За мгновеньем мгновенье – и жизнь промелькнет...
Пусть весельем мгновение это блеснет!
Берегись, ибо жизнь – это сущность творенья,
Как ее проведешь, так она и пройдет.

205

Беспечно не пил никогда я чистого вина,
Пока мне чаша горьких бед была не подана.
И хлеб в солонку не макал, пока не насыщался
Я сердцем собственным своим, сожженным дочерна.

206

О кравчий! Цветы, что в долине пестрели,
От знойных лучей за неделю сгорели.
Пить будем, тюльпаны весенние рвать,
Пока не осыпались и не истлели.

207

Боюсь, что в этот мир мы вновь не попадем,
И там своих друзей – за гробом – не найдем.
Давайте ж пировать в сей миг, пока мы живы.
Быть может, миг пройдет – мы все навек уйдем.

208

Пей с мудрой старостью златоречивой,
Пей с юностью улыбчиво красивой.
Пей, друг, но не кричи о том, что пьешь,
Пей изредка и тайно – в миг счастливый.

209

На розах блистанье росы новогодней прекрасно,
Любимая – лучшее творенье господне – прекрасна.
Жалеть ли минувшее, бранить ли его мудрецу?
Забудем вчерашнее! Ведь наше Сегодня – прекрасно.

210

Ты сегодня не властен над завтрашним днем,

Твои замыслы завтра развеются сном!
Ты сегодня живи, если ты не безумен.
Ты – не вечен, как все в этом мире земном.

211

Ты не мечтай перевалить за семь десятков лет,
Так пусть же пьяным застаёт всегда тебя рассвет,
Пока из головы твоей не сделали кувшин,
Кувшину с чашей дай любви и верности обет.

212

Подыми пиалу и кувшин ты, о свет моих глаз,
И кружись на лугу, у ручья в этот радостный час,
Ибо многих гончар-небосвод луноликих и стройных
Сотни раз превратил в пиалу, и в кувшин – сотни раз.

213

Вино – прозрачный рубин, а кувшин – рудник.
Фиал – это плоть, а вино в нем – души родник,
В хрустальной чаше искрится вино огневое, -
То – ливень слез, что из крови грозднй возник.

214

Чтоб обмыть мое тело, вина принесите,
Изголовье могилы вином оросите.
Захотите найти меня в день воскресенья,-
Труп мой в прахе питейного дома ищите.

215

Ты – творец, и таким, как я есть, – я тобой сотворен.
Я в вино золотое, и в струны, и в песни влюблен.
В дни творенья таким ты создать и задумал меня.
Так за что же теперь я в геенне гореть обречен?

216

Коль можешь, не тужи о времени бегущем,
Не отягчай души ни прошлым, ни грядущим.
Сокровища свои потрать, пока ты жив;
Ведь все равно в тот мир предстанешь неимущим.

217

Где б ни алел тюльпан и роза ни цвела,
Там прежде кровь царей земля в себя впила.
И где бы на земле ни выросла фиалка,
Знай – родинкой она красавицы была.

218

Небо! Что сделал я? Что ты терзаешь меня?
Ты бегодне целый день подвергаешь меня.
Город заставишь обегать за черствый кусок,
Грязью за чашку воды обливаешь меня.

219

Звездный купол – не кровля покоя сердец,
Не для счастья воздвиг это небо творец.
Смерть в любое мгновение мне угрожает.
В чем же польза творенья? – Ответь, наконец!

220

Радуйся! Снова нам праздник отрадный настал!
Стол серебром, хрусталем и вином заблистал.
На небе месяц поблек, исхудал и согнулся,
Будто он сам от пиров непрерывных устал.

221

Пей вино! В нем источник бессмертья и света,
В нем – цветенье весны и минувшие лета.
Будь мгновение счастлив среди цветов и друзей,
Ибо жизнь заключилась в мгновение это.

222

Будь жизнь тебе хоть в триста лет дана -
Но все равно она обречена,
Будь ты халиф или базарный нищий,
В конечном счете – всем одна цена.

223

Я – школяр в этом лучшем из лучших миров.

Труд мой тяжек: учитель уж больно суров!
До седин я у жизни хожу в подмастерьях,
Все еще не зачислен в разряд мастеров...

224

И пылинка – живую частицей была.
Черным локоном, длинной ресницей была.
Пыль с лица вытирай осторожно и нежно:
Пыль, возможно, Зухрой яснолицей была!

225

Я однажды кувшин говорящий купил.
«Был я шахом! – кувшин безутешно вопил.-
Стал я прахом. Гончар меня вызвал из праха -
Сделал бывшего шаха утехой кутил».

226

Этот старый кувшин на столе бедняка
Был всеильным везиром в былые века.
Эта чаша, которую держит рука, -
Грудь умершей красавицы или щека...

227

Был ли в самом начале у мира исток?
Вот загадка, которую задал нам бог,
Мудрецы толковали о ней, как хотели,-
Ни один разгадать ее толком не смог.

228

Месяца месяцами сменялись до нас,
Мудрецы мудрецами сменялись до нас.
Эти мертвые камни у нас под ногами
Прежде были зрачками пленительных глаз.

229

Лучше впасть в нищету, голодать или красть,
Чем в число блюдолизов презренных попасть.
Лучше кости глотать, чем прельститься сластями
За столом у мерзавцев, имеющих власть.

230

Если труженик, в поте лица своего
Добывающий хлеб, не стяжал ничего -
Почему он ничтожеству кланяться должен
Или даже тому, кто не хуже его?

231

Не одерживал смертный над небом побед.
Всех подряд пожирает земля-людоед.
Ты пока еще цел? И бахвалишься этим?
Погоди: попадешь муравьям на обед!

232

Даже самые светлые в мире умы
Не смогли разогнать окружающей тьмы.
Рассказали нам несколько сказочек на ночь -
И отправились, мудрые, спать, как и мы.

233

Удивленья достойны поступки творца!
Переполнены горечью наши сердца,
Мы уходим из этого мира, не зная
Ни начала, ни смысла его, ни конца.

234

Тот, кто следует разуму, – доит быка,
Умник будет в убытке наверняка!
В наше время доходней валять дурака,
Ибо разум сегодня в цене чеснока.

235

Где Бахрам отдыхал, осушая бокал,
Там теперь обитают лиса и шакал.
Видел ты, как охотник, расставив капканы,
Сам, бедняга, в глубокую яму попал?

236

Если низменной похоти станешь рабом -

Будешь в старости пуст, как покинутый дом.
Оглянись на себя и подумай о том,
Кто ты есть, где ты есть и – куда же потом?

237

Эй, гончар! И доколе ты будешь, злодей,
Издеваться над глиной, над прахом людей?
Ты, я вижу, ладонь самого Фаридуна
Положил в колесо. Ты – безумец, ей-ей!

238

Слышал я: под ударами гончара
Глина тайны свои выдавать начала:
«Не топчи меня! – глина ему говорила,-
Я сама гончаром была лишь вчера».

239

Поутру просыпается роза моя,
На ветру распускается роза моя.
О жестокое небо! Едва распустилась –
Как уже осыпается роза моя.

240

Книга жизни моей перелистана – жаль!
От весны, от веселья осталась печаль.
Юность – птица: не помню, когда прилетела
И когда унеслась, легкокрылая, в даль.

241

Мы – послушные куклы в руках у творца!
Это сказано мною не ради словца.
Нас по сцене всевышний на ниточках водит
И пихает в сундук, доведя до конца.

242

Жизнь уходит из рук, надвигается мгла,
Смерть терзает сердца и кромсает тела,
Возвратившихся нет из загробного мира,
У кого бы мне справиться: как там дела?

243

Я нигде преклонить головы не могу.
Верить в мир замогильный – увы! – не могу.
Верить в то, что, истлевши, восстану из праха
Хоть бы стеблем зеленой травы, – не могу.

244

Ты не очень-то щедр, всемогущий творец:
Сколько в мире тобою разбитых сердец!
Губ рубиновых, мускусных локонов сколько
Ты, как скряга, упрятал в бездонный ларец!

245

Вместо солнца весь мир озарить – не могу,
В тайну сущего дверь отворить – не могу.
В море мыслей нашел я жемчужину смысла,
Но от страха ее просверлить не могу.

246

Ухожу, ибо в этой обители бед
Ничего постоянного, прочного нет.
Пусть смеется лишь тот уходящему вслед,
Кто прожить собирается тысячу лет.

247

Мы источник веселья – и скорби рудник.
Мы вместилище скверны – и чистый родник.
Человек, словно в зеркале мир – многолик.
Он ничтожен – и он же безмерно велик!

248

Изваял эту чашу искусный резец
Не затем, чтоб разбил ее пьяный глупец.
Сколько светлых голов и прекрасных сердец
Между тем разбивает напрасно творец!

249

О кумир! Я подобных тебе не встречал.

Я до встречи с тобой горевал и скучал.
Дай мне полную чарку и выпей со мною,
Пока чарок из нас не наделал гончар!

250

Мой совет: будь хмельным и влюбленным всегда.
Быть сановным и важным – не стоит труда.
Не нужны всемогущему господу-богу
Ни усы твои, друг, ни моя борода!

251

Хорошо, если платье твое без прорех.
И о хлебе насущном подумать не грех.
А всего остального и даром не надо -
Жизнь дороже богатства и почестей всех.

252

Я страдать обречен до конца своих дней,
Ты же день ото дня веселишься сильней.
Берегись! На судьбу полагаться не вздумай:
Много хитрых уловок в запасе у ней.

253

Океан, состоящий из капель, велик.
Из пылинок слагается материк.
Твой приход и уход – не имеют значенья.
Просто муха в окно залетела на миг...

254

Каждый розовый, взоры ласкающий куст
Рос из праха красавиц, из розовых уст.
Каждый стебель, который мы топчем ногами,
Рос из сердца, вчера еще полного чувств.

255

Нищим дервишем ставши – достигнешь высот,
Сердце в кровь взодравши – достигнешь высот,
Прочь, пустые мечты о великих свершеньях!
Лишь с собой совладавши – достигнешь высот.

256

Как нужна для жемчужины полная тьма -
Так страданья нужны для души и ума.
Ты лишился всего, и душа опустела?
Эта чаша наполнится снова сама!

257

До того, как мы чашу судьбы изопьем,
Выпьем, милая, чашу иную вдвоем.
Может статься, что сделать глотка перед смертью
Не позволит нам небо в безумье своем.

258

До рождения ты не нуждался ни в чем,
А родившись, нуждаться во всем обречен.
Только сбросивши гнет ненасытного тела,
Снова станешь свободным, как бог, богачом.

259

Из допущенных в рай и повергнутых в ад
Никогда и никто не вернулся назад.
Грешен ты или свят, беден или богат -
Уходя, не надейся и ты на возврат.

260

Жизни стыдно за тех, кто сидит и скорбит,
Кто не помнит утех, не прощает обид.
Пой, покуда у чанга не лопнули струны!
Пей, покуда об камень сосуд не разбит!

261

Старость – дерево, корень которого сгнил.
Возраст – алые щеки мои посинил.
Крыша, дверь и четыре стены моей жизни
Обветшали и рухнуть грозят со стропил.

262

Двести лет проживешь – или тысячу лет -

Все равно попадешь муравьям на обед,
В шелк одет или в жалкие тряпки одет,
Падишах или пьяница – разницы нет!

263

Этот мир красотой Хайяма пленил,
Ароматом и цветом своим опьянил.
Но источник с живою водою – иссякнет,
Как бы ты бережливо его ни хранил!

264

Если гурия страстно целует в уста,
Если твой собеседник мудрее Христа,
Если лучше небесной Зухры музыкантша -
Все не в радость, коль совесть твоя не чиста!

265

Шел я трезвый – веселья искал и вина.
Вижу: мертвая роза – суха и черна.
«О несчастная! В чем ты была виновата?»
«Я была чересчур весела и пьяна!»

266

Если мельницу, баню, роскошный дворец
Получает в подарок дурак и подлец,
А достойный идет в кабалу из-за хлеба -
Мне плевать на твою справедливость, творец!

267

Неужели таков наш ничтожный удел:
Быть рабами своих вожделеющих тел?
Ведь еще ни один из живущих на свете
Вожделений своих утолить не сумел!

268

То, что бог нам однажды отмерил, друзья,
Увеличить нельзя и уменьшить нельзя.
Постараемся с толком истратить наличность,
На чужое не зарясь, займы не прося.

269

Принеси заключенный в кувшине рубин -
Он один мой советчик и друг до седин.
Не сиди, размышляя о бренности жизни,-
Принеси мне наполненный жизнью кувшин!

270

Встанем утром и руки друг другу пожмем,
На минуту забудем о горе своем,
С наслаждением вдохнем этот утренний воздух,
Полной грудью, пока еще дышим, вздохнем!

271

Мой закон: быть веселым и вечно хмельным,
Ни святошей не быть, ни безбожником злым.
Я спросил у судьбы о размере калыма.
«Твое сердце, – сказала, – достойный калым!»

272

Виночерпий, бездонный кувшин приготовь!
Пусть без устали хлещет из горлышка кровь.
Эта влага мне стала единственным другом,
Ибо все изменили – и друг, и любовь.

273

Рыба утку спросила: «Вернется ль вода,
Что вчера утекла? Если – да, то – когда?»
Утка ей отвечала: «Когда нас поджарят -
Разрешит все вопросы сковорода!»

274

Встань и полную чашу налей поутру,
Не горюй о неправде, царящей в миру.
Если б в мире законом была справедливость -
Ты бы не был последним на этом пиру.

275

Чем стараться большое уменье нажить,

Чем себе, закочнев в самомнении, служить,
Чем гоняться до смерти за призрачной славой -
Лучше жизнь, как во сне, в опьянении прожить!

276

Словно ветер в степи, словно в речке вода,
День прошел – и назад не придет никогда.
Будем жить, о подруга моя, настоящим!
Сожалеть о минувшем – не стоит труда.

277

Не таи в своем сердце обид и скорбей,
Ради звонкой монеты поклонов не бей.
Если друга ты вовремя не накормишь -
Все сожрет без остатка наследник-злодей.

278

Если сердце мое отобьется от рук -
То куда ему деться? Безлюдье вокруг!
Каждый жалкий дурак, узколобий невежда,
Выпив лишку – Джемшидом становится вдруг.

279

Вереницею дни-сороходы идут,
Друг за другом закаты, восходы идут.
Виночерпий! Не надо скорбеть о минувшем.
Дай скорее вина, ибо годы идут.

280

Всем сердечным движениям волю давай,
Сад желаний возделывать не уставай,
Звездной ночью блаженствуй на шелковой травке:
На закате – ложись, на рассвете – вставай.

281

Если есть у тебя для житья закуток -
В наше подлое время – и хлеба кусок,
Если ты никому не слуга, не хозяин -
Счастлив ты и воистину духом высок.

282

Трезвый, я замыкаюсь, как в панцире краб.
Напиваясь, я делаюсь разумом слаб.
Есть мгновенье меж трезвостью и опьянением.
Это – высшая правда, и я – ее раб!

283

Разум к счастью стремится, все время твердит:
«Дорожи каждым мигом, пока не убит!
Ибо ты – не трава, и когда тебя скосят -
То земля тебя заново не возродит».

284

Если жизнь твоя нынче, как чаша, полна -
Не спеши отказаться от чаши вина.
Все богатства судьба тебе дарит сегодня -
Завтра, может случиться, ударит она!

285

Если все государства, вблизи и вдали,
Покоренные, будут валяться в пыли -
Ты не станешь, великий владыка, бессмертным.
Твой удел не велик: три аршина земли.

286

Дай вина, чтоб веселье лилось через край,
Чтобы здесь, на земле, мы извели рай!
Звучный чанг принеси и душистые травы.
Благовония – жги, а на чанге – играй.

287

Сбрось обузу корысти, тщеславия гнет,
Злом опутанный, вырвись из этих тенет,
Пей вино и расчесывай локоны милой:
День пройдет незаметно – и жизнь промелькнет.

288

Немолящимся грешником надобно быть -

Веселящимся грешником надобно быть.
Так как жизнь драгоценная кончится скоро -
Шутником и насмешником надобно быть.

289

Я в мечеть не за праведным словом пришел,
Не стремясь приобщиться к основам пришел.
В прошлый раз утащил я молитвенный коврик,
Он истерся до дыр – я за новым пришел.

290

Ты не верь измышленьям непьющих тихонь,
Будто пьяниц в аду ожидает огонь.
Если место в аду для влюбленных и пьяных -
Рай окажется завтра пустым, как ладонь!

291

Когда вырвут без жалости жизни побег,
Когда тело во прах превратится навек -
Пусть из этого праха кувшин изготовят
И наполнят вином: оживет человек!

292

Если ночью тоска подкрадется – вели
Дать вина. О пощаде судьбу не моли.
Ты не золото, пьяный глупец, и едва ли,
Закопав, откопают тебя из земли.

293

В этом мире на каждом шагу – западня.
Я по собственной воле не прожил и дня.
Без меня в небесах принимают решенья,
А потом бунтарем называют меня!

294

Благородство и подлость, отвага и страх -
Все с рожденья заложено в наших телах.
Мы до смерти не станем ни лучше, ни хуже -
Мы такие, какими нас создал аллах!

295

От неожиданного счастья, глупец, не шалей.
Если станешь несчастным – себя не жалеи.
Зло с добром не вали без разбора на небо:
Небу этому в тысячу раз тяжелей!

296

Все, что будет: и зло, и добро – пополам -
Предписал нам заранее вечный калам.
Каждый шаг предначертан в небесных скрижалях.
Нет смысла страдать и печалиться нам.

297

Словно солнце, горит, не сгорая, любовь.
Словно птица небесного рая – любовь.
Но еще не любовь – соловьиные стоны.
Не стонать, от любви умирая, – любовь!

298

Небо сердцу шептало: «Я знаю – меня
Ты поносишь, во всех своих бедах вина.
Если б небо вращеньем своим управляло -
Ты бы не было, сердце, несчастным ни дня!»

299

В день, когда оседлали небес скакуна,
Когда дали созвездиям их имена,
Когда все наши судьбы вписали в скрижали -
Мы покорными стали. Не наша вина.

300

Много ль проку от наших молитв и кадил?
В рай лишь тот попадет, кто не в ад угодил.
Что кому на роду предначертано будет -
До начала творенья господь утвердил!

301

«Надо жить, – нам внушают, – в постах и труде.
Как живете вы – так и воскреснете-де!»
Я с подругой и с чашей вина неразлучен -
Чтобы так и проснуться на Страшном суде.

302

Назовут меня пьяным – воистину так!
Нечестивцем, смутьяном – воистину так!
Я есмь я. И болтайте себе, что хотите:
Я останусь Хайямом. Воистину так!

303

Муж ученый, который мудрее муллы,
Но бахвал и обманщик, – достоин хулы.
Муж, чье слово прочнее гранитной скалы,-
Выше мудрого, выше любой похвалы!

304

Кто урод, кто красавец – не ведает страсть.
В ад согласен безумец влюбленный попасть.
Безразлично влюбленным, во что одеваться,
Что на землю стелить, что под голову класть.

305

Небо – пояс загубленной жизни моей.
Слезы падших – соленые волны морей,
Рай – блаженный покой после страстных усилий,
Адский пламень – лишь отблеск угасших страстей.

306

Хоть мудрец – не скупец и не копит добра,
Плохо в мире и мудрому без серебра.
Под забором фиалка от нищенства никнет,
А богатая роза красна и щедра!

307

Я к неверной хотел бы душой охладеть,
Новой страсти позволить собой овладеть.
Я хотел бы – но слезы глаза застилают,
Слезы мне не дают на другую глядеть!

308

Когда песню любви запоют соловьи -
Выпей сам и подругу вином напой.
Видишь: роза раскрылась в любовном томленьи?
Утоли, о влюбленный, желанья свои!

309

«Ад и рай – в небесах», – утверждают ханжи.
Я, в себя заглянув, убедился во лжи:
Ад и рай – не круги во дворце мирозданья,
Ад и рай – это две половины души.

310

Попрекают Хайяма числом кутежей

И в пример ему ставят непьющих мужей.
Были б столь же заметны другие пороки -
Кто бы выглядел трезвым из этих ханжей?

311

Для того, кто за внешностью видит нутро,
Зло с добром – словно золото и серебро.
Ибо то и другое – дается на время,
Ибо кончатся скоро и зло, и добро.

312

Вновь на старости лет я у страсти в плену.
Разве иначе я пристрастился б к вину?
Все обеты нарушил возлюбленной ради
И, рыдая, свое безрассудство клянчу.

313

Дай вина! Здесь не место пустым словесам.
Поцелуй любимой – мой хлеб и бальзам,
Губы пылкой возлюбленной – винного цвета,
Буйство страсти подобно ее волосам.

314

Если жизнь все равно неизбежно пройдет -
Так пускай хоть она безмятежно пройдет!
Жизнь тебя, если будешь веселым, утешит,
Если будешь рыдать – безутешно пройдет.

315

В этом мире не вырастет правды побег.
Справедливость не правила миром вовек.
Не считай, что изменишь течение жизни.
За подрубленный сук не держись, человек!

316

Каждый молится богу на собственный лад.
Всем нам хочется в рай и не хочется в ад.
Лишь мудрец, постигающий замысел божий,
Адских мук не страшится и раю не рад.

317

Вы, злодейству которых не видно конца,
В Судный день не надейтесь на милость творца!
Бог, простивший не сделавших доброго дела,
Не простит сотворившего зло подлеца.

318

Без меня собираясь в застолье хмельном,
Продолжайте блистать красотой и умом.
Когда чашу наполнит вином виночерпий -
Помяните ушедших чистым вином!

319

Бели вдруг на тебя снизошла благодать
Можешь все, что имеешь, за правду отдать.
Но, святой человек, не обрушивай гнева
На того, кто за правду не хочет страдать!

320

Стоит царства китайского чарка вина,
Стоит берега райского чарка вина.
Горек вкус у налитого в чарку рубина -
Эта горечь всей сладости мира равна.

321

Не моли о любви, безнадежно любя,
Не броди под окном у неверной, скорбя.
Словно нищие дервиши, будь независим -
Может статья, тогда и полюбят тебя.

322

В мире временном, сущность которого – тлен,
Не сдавайся вещам несущественным в плен,
Сущим в мире считай только дух вездесущий,
Чуждый всяких вещественных перемен.

323

Не завидуй тому, кто силен и богат.

За рассветом всегда наступает закат»
С этой жизнью короткою, равною вздоху,
Обращайся как с данной тебе напрокат.

324

Горе сердцу, которое льда холодней,
Не пылает любовью, не знает о ней.
А для сердца влюбленного – день, проведенный
Без возлюбленной, – самый пропавший из дней!

325

Пусть я плохо при жизни служил небесам,
Пусть грехов моих груз не под силу весам -
Полагаюсь на милость Единого, ибо
Отродясь никогда не двуличничал сам!

326

Утром лица тюльпанов покрыты росой,
И фиалки, намокнув, не блещут красой.
Мне по сердцу еще не расцветшая роза,
Чуть заметно подол приподнявшая свой.

327

Не давай убаюкать себя похвалой -
Меч судьбы занесен над твоей головой.
Как ни сладостна слава, но яд наготове
У судьбы. Берегись отравиться халвой!

328

Смерти я не страшусь, на судьбу не ропщу,
Утешенья в надежде на рай не ищу,
Душу вечную, данную мне ненадолго.
Я без жалоб в положенный срок возвращу.

329

Из всего, что аллах мне для выбора дал,
Я избрал черствый хлеб и убогий подвал,
Для спасенья души голодал и страдал,
Ставши нищим, богаче богатого стал.

330

Что сравню во вселенной со старым вином,
С этой чашею пенной со старым вином?
Что еще подобает почтенному мужу,
Кроме дружбы почтенной со старым вином?

331

Пить аллах не велит не умеющим пить,
С кем попало, без памяти смеющим пить,
Но не мудрым мужам, соблюдающим меру,
Безусловное право имеющим пить!

332

Тот, кто с юности верует в собственный ум,
Стал, в погоне за истиной, сух и угрюм.
Притязавший с детства на знание жизни,
Виноградом не став, превратился в изюм.

333

Волшебства о любви болтовня лишена,
Как остывшие угли – огня лишена,
А любовь настоящая жарко пылает,
Сна и отдыха, ночи и дня лишена.

334

Вместо злата и жемчуга с янтарем
Мы другое богатство себе изберем:
Сбрось наряды, прикрой свое тело старьем,
Но и в жалких лохмотьях – останься царем!

335

Для достойного – нету достойных наград,
Я живот положить за достойного рад.
Хочешь знать, существуют ли адские муки?
Жить среди недостойных – вот истинный ад!

336

Ты задался вопросом: что есть Человек?

Образ божий. Но логикой бог пренебрег:
Он его извлекает на миг из пучины -
И обратно в пучину швыряет навек.

337

В этом мире глупцов, подлецов, торгашей
Уши, мудрый, заткни, рот надежно зашей,
Веки плотно зажмурь – хоть немного подумай
О сохранности глаз, языка и ушей!

338

Увидав черепки – не топчи черепка.
Берегись! Это бывших людей черепа.
Чаши лепят из них – а потом разбивают.
Помни, смертный: придет и твоя череда!

339

Ты у ног своих скоро увидишь меня,
Где-нибудь у забора увидишь меня,
В куче праха и сора увидишь меня,
В полном блеске позора увидишь меня!

340

Хочешь – пей, но рассудка спьяна не теряй,
Чувства меры спьяна, старина, не теряй,
Берегись оскорбить благородного спьяну,
Дружбы мудрых за чашей вина не теряй.

341

Если ты не впадаешь в молитвенный раж,
Но последний кусок неимущим отдашь,
Если ты никого из друзей не предашь -
Прямо в рай попадешь... Если выпить мне дашь!

342

Жизнь с крючка сорвалась и бесследно прошла,
Словно пьяная ночь, беспросветно прошла.
Жизнь, мгновенье которой равно мирозданию,
Как меж пальцев песок, незаметно прошла!

343

Миром правят насилие, злоба и месть.
Что еще на земле достоверного есть?
Где счастливые люди в озлобленном мире?
Если есть – их по пальцам легко перечесать.

344

Жизнь мгновенная, ветром гонима, прошла,
Мимо, мимо, как облако дыма, прошла.
Пусть я горя хлебнул, не хлебнув наслажденья,-
Жалко жизни, которая мимо прошла.

345

Опасайся плениться красавицей, друг!
Красота и любовь – два источника мук.
Ибо это прекрасное царство не вечно:
Поражает сердца и – уходит из рук.

346

Так как вечных законов твой ум не постиг -
Волноваться смешно из-за мелких интриг.
Так как бог в небесах неизменно велик -
Будь спокоен и весел, цени этот миг.

347

О мудрец! Если тот или этот дурак
Называет рассветом полуночный мрак,-
Притворись дураком и не спорь с дураками.
Каждый, кто не дурак, – вольнодумец и враг!

348

Мне, господь, надоела моя нищета,
Надоела надежд и желаний тщета.
Дай мне новую жизнь, если ты всемогущий!
Может, лучше, чем эта, окажется та.

349

Если б я властелином судьбы своей стал,

Я бы всю ее заново перелистал
И, безжалостно вычеркнув скорбные строки,
Головою от радости небо достал!

350

Дураки мудрецом почитают меня,
Видит бог: я не тот, кем считают меня,
О себе и о мире я знаю не больше
Тех глупцов, что усердно читают меня.

351

Листья дерева жизни, отпущенной мне,
В зимней стуже сгорают и в вешнем огне.
Пей вино, не горюй. Следуй мудрым советам:
Все заботы топи в искрометном вине.

352

Я пришел – не прибавилась неба краса,
Я уйду – будут так же цвести небеса.
Где мы были, куда мы уйдем – неизвестно:
Глупы домыслы всякие и словеса.

353

Гонит рок нас по жизни битой, как мячи,
Ты то влево, то вправо беги – и молчи!
Тот, кто бешеный гон в этом мире устроил,
Он один знает смысл его скрытых причин.

354

Не запретна лишь с мудрыми чаша для нас
Или с милым кумиром в назначенный час.
Не бахвалься пируя и после пирушки:
Пей немного. Пей изредка. Не напоказ.

355

Раз желаньям, творец, ты предел положил,
От рожденья поступки мои предрешил,
Значит, я, и грешу с твоего позволения
И лишь в меру тобою отпущенных сил.

356

Пусть будет сердце страстью смятено.
Пусть в чаше вечно пенится вино.
Раскаянье творец дарует грешным -
Я откажусь: мне ни к чему оно.

357

Если мудрость начертана в сердце строкой,
Значит, будет в нем ясность, любовь и покой.
Надо либо творцу неустанно молиться,
Либо чашу поднять беззаботной рукой.

358

Чтоб добиться любви самой яркой из роз,
Сколько сердце извело горя и слез.
Посмотри: расщепить себя гребень позволил,
Чтобы только коснуться прекрасных волос.

359

В прах и пыль превратились цари, короли -
Все, кто спрятан в бездонное лоно земли,
Видно, очень хмельным их вином опоили,
Чтоб до Судного дня они встать не смогли.

360

Я хотел и страстей не сумел побороть;
Над душою царит ненасытная плоть.
Но я верю в великую милость господню:
После смерти простит мои кости господь.

361

Да, лилия и кипарис – два чуда под луной,
О благородстве их твердит любой язык земной,
Имея двести языков, она всегда молчит,
А он, имея двести рук, не тянет ни одной.

362

От горя разлуки с тобою я вяну.

Куда бы ни шла, от тебя не отстану.
Уйдешь – все сердца погибают в печали,
Вернешься – они твоей жертвою станут.

363

Грех Хайям совершил и совсем занемог,
Пребывает в плену бесполезных тревог,
Верь, господь потому и грехи позволяет,
Чтоб потом нас простить он по-божески мог.

364

За любовь к тебе пусть все осудят вокруг,
Мне с невеждами спорить, поверь, недосуг.
Лишь мужей исцеляет любовный напиток,
А ханжам он приносит жестокий недуг.

365

Этот мастер всевышний – большой верхогляд:
Он недолго мудрит, лепит нас наугад.
Если мы хороши – он нас бьет и ломает,
Если плохи – опять же не он виноват!

366

Тайны мира, как я записал их в тетрадь,
Головы не сносить, коль другим рассказать.
Средь ученых мужей благородных не вижу,
Наложил на уста я молчанья печать.

367

Сокровенною тайной с тобой поделюсь,
В двух словах изолью свою нежность и грусть.
Я во прахе с любовью к тебе растворюсь,
Из земли я с любовью к тебе поднимусь.

368

Раз не нашею волей вершатся дела,
Беззаботному сердцу и честь и хвала.
Не грусти, что ты смертен, не хмурься в печали,
А не то тебе станет и жизнь не мила.

369

Кто на свете не мечен грехами, скажи?
Мы безгрешны ли, господи, сами, скажи?
Зло свершу – ты мне злом воздаешь неизменно,-
Значит, разницы нет между нами, скажи!

370

Знает твердо мудрец: не бывает чудес,
Он не спорит – там семь или восемь небес.
Раз пылающий разум навеки погаснет,
Не равно ль – муравей или волк тебя съест?

371

Влекут меня розам подобные лица
И чаша, чтоб влагой хмельной насладиться.
Хочу всем усладам земным причаститься,
Пока не настала пора удалиться.

372

Если к чаше приник – будь доволен, Хайям!
Если с милой хоть миг – будь доволен, Хайям!
Высыхает река бытия, но покуда
Бьет еще твой родник – будь доволен, Хайям!

373

Дверь насущного хлеба мне, боже, открой:
Пусть не подлый подаст – сам дай щедрой рукой.
Напой меня так, чтобы был я без памяти,
Потому и заботы не знал никакой.

374

Я для знаний воздвиг сокровенный чертог,
Мало тайн, что мой разум постигнуть не смог.
Только знаю одно: ничего я не знаю!
Вот моих размышлений последний итог.

375

Зерна наших надежд до конца не сберем,

Уходя, не захватим ни сад и ни дом.
Не жалею для друзей своего достоянья,
Чтобы недруг его не присвоил потом,

376

Не по бедности я позабыл про вино,
Не из страха совсем опуститься на дно.
Пил вино я, чтоб сердце весельем наполнить,
А теперь мое сердце тобою полно.

377

Порою некто гордо мечет взгляды: «Это – я!»
Украсит золотом свои наряды: «Это – я!»
Но лишь пойдут на лад его делишки,
Внезапно смерть выходит из засады: «Это – я!»

378

Трясу надежды ветвь, но где желанный плод?
Как смертный нить судьбы в кромешной тьме найдет?
Тесна мне бытия печальная темница,-
О, если б дверь найти, что к вечности ведет!

379

От земной глубины до далеких планет
Мироздания загадкам нашел я ответ.
Все узлы развязал, все оковы разрушил,
Узел смерти одной не распутал я, нет!

380

Цель творца и вершина творения – мы,
Мудрость, разум, источник прозрения – мы,
Этот круг мироздания перстню подобен,-
В нем граненый алмаз, без сомнения, мы.

381

Угнетает людей небосвод-миroeд:
Он ссужает их жизнью на несколько лет.
Знал бы я об условиях этих кабальных -
Предпочел бы совсем не родиться на свет!

382

Мы уйдем без следа – ни имен, ни примет.
Этот мир простоит еще тысячи лет.
Нас и раньше тут не было – после не будет.
Ни ущерба, ни пользы от этого нет.

383

О мудрец! Коротай свою жизнь в погребке.
Прах великих властителей – чаша в руке.
Все, что кажется прочным, незыблемым, вечным,-
Лишь обманчивый сон, лишь мираж вдалеке...

384

Мы лопали в сей мир, как в силок – воробей.
Мы полны беспокойства, надежд и скорбен.
В эту круглую клетку, где нету дверей,
Мы попали с тобой не по воле своей.

385

О душа! Ты меня превратила в слугу.
Я твой гнет ощущаю на каждом шагу.
Для чего я родился на свет, если в мире
Все равно ничего изменить не могу?

386

И того, кто умен, и того, кто красив,
Небо в землю упрячет, под корень скосив.
Горе нам! Мы истлеет без пользы, без цели.
Станем бывшими мы, бытия не вкусив.

387

Мне одна лишь отрада осталась: в вине,
От вина лишь осадок остался на дне.
От застольных бесед ничего не осталось.
Сколько жить мне осталось – неведомо мне.

388

Принесите вина – надоела вода!

Чашу жизни моей наполняют года.
Не к лицу старику притворяться непьющим.
Если нынче не выпью вина – то когда?

389

Да пребудет вино неразлучно с тобой!
Пей с любой подругой из чаши любой
Виноградную кровь, ибо в черную глину
Превращает людей небосвод голубой.

390

Оттого, что несправеден мир, не страдай,
Не тверди нам о смерти и сам не рыдай,
Наливай в пиалу эту алую влагу,
Белогрудой красавице сердце отдай.

391

Дай мне влаги хмельной, укрепляющей дух.
Пусть я пьяным напился и взор мой потух –
Дай мне чашу вина! Ибо мир этот – сказка,
Ибо жизнь – словно ветер, а мы – словно пух...

392

Круг небес, неизменный во все времена,
Опрокинут над нами, как чаша вина.
Эта чаша, которая ходит по кругу.
Не стони – и тебя не минует она.

393

Жизнь в разлуке с лозою хмельною – ничто.
Жизнь в разладе с певучей струною – ничто.
Сколько я ни вникаю в дела под луною:
Наслаждение – все, остальное – ничто!

394

Не горюй, что забудется имя твое.
Пусть тебя утешает хмельное питье.
До того как суставы твои распадутся -
Утешайся с любимой, лаская ее.

395

Следуй верным путем бесшабашных гуляк:
Позови музыкантов, на ложе возляг,
В изголовье – кувшин, пиала – на ладони.
Не болтай языком – на вино приналяг!

396

День прекрасен: ни холод с утра, ни жара.
Ослепителен блеск травяного ковра,
Соловей над раскрытою розой с утра
Надрывается: браться за чашу пора!

397

Пей вино, ибо радость телесная – в нем.
Слушай чанг, ибо сладость небесная – в нем.
Променяй свою вечную скорбь на веселье,
Ибо цель, никому не известная, – в нем.

398

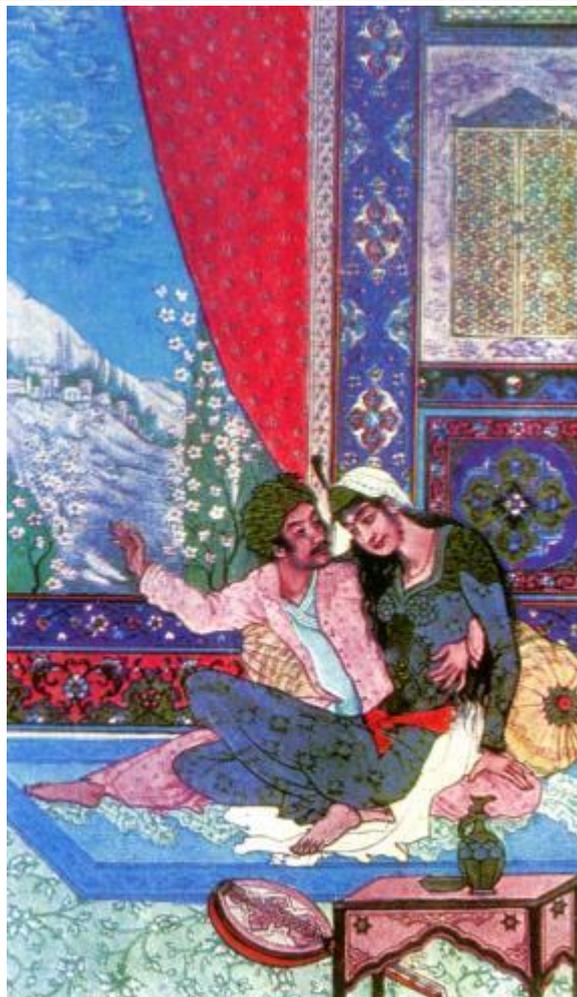
Лживой книжной премудрости лучше бежать.
Лучше с милой всю жизнь на лужайке лежать.
До того как судьба твоя кости иссушит -
Лучше чашу без устали осушать!

399

Те, что жили на свете в былые года,
Не вернуться обратно сюда никогда,
Наливай нам вина и послушай Хайяма:
Все советы земных мудрецов – как вода...

400

Смертный, если не ведаешь страха – борись.
Если слаб – перед волей аллаха смирись.
Но того, что сосуд, сотворенный из праха,
Прахом станет – оспаривать не берись.

401

Все недуги сердечные лечит вино.
Муки разума вечные лечит вино.
Эликсира забвения и утешенья
Не страшитесь, увечные, – лечит вино!

402

Долго ль будешь скорбеть и печалиться, друг,
Сокрушаться, что жизнь ускользает из рук?
Пей хмельное вино, в наслажденьях усердствуй,
Веселясь, совершай предначертанный круг!

403

За страданья свои небеса не кляни.
На могилы друзей без рыданья взгляни.
Оцени мимолетное это мгновенье.
Не гляди на вчерашний и завтрашний дни.

404

Жизнь – мгновенье. Вино – от печали бальзам.
День прошел беспечально – хвала небесам!
Будь доволен тебе предназначенной долей,
Не пытайся ее переделывать сам.

405

Всем известно, чтоя свою старость кляню.
Всем известно, что я пристрастился к вину.
Но не знают глупцы, что вино возвращает
Юность старцу, усталому сердцу – весну.

406

Плеч не горби, Хайям! Не удастся и впредь
Черной скорби душою твоей овладеть.
До могилы глаза твои с радостью будут
На ручей, на зеленую ниву глядеть.

407

Не осталось мужей, коих мог уважать,
Лишь вино продолжает меня ублажать.
Не отдергивай руку от ручки кувшинной,
Если в старости некому руку пожать.

408

Не у тех, кто во прах государства поверг,-
Лишь у пьяных душа устремляется вверх!
Надо пить: в понедельник, во вторник, в субботу,
В воскресенье, в пятницу, в среду, в четверг.

409

Если пост я нарушу для плотских утех -
Не подумай, что я нечестивее всех.
Просто: постные дни – словно черные ночи,
А ночами грешить, как известно, не грех!

410

Стоит власти над миром хороший глоток.

Выше истины выпивку ставит знаток.
Белоснежной чалмы правоверного шейха
Стоит этот, вином обагранный, платок.

411

Пить вино зарекаться не должен поэт.
Преступившим зарок – оправдания нет.
Соловьи надрываются, розы раскрыты...
Разве можно давать воздержанья обет?!

412

К черту пост и молитву, мечеть и муллу!
Воздадим полной чашей аллаху хвалу.
Наша плоть в бесконечных своих превращениях
То в кувшин превращается, то в пиалу.

413

Будь хотя завсегдаем всех кабаков,
Вечно пьяным, свободным от всяких оков,
Хоть разбойником будь на проезжей дороге:
Грабь богатых, добром одаряй бедняков!

414

В Книге Судеб ни слова нельзя изменить.
Тех, кто вечно страдает, нельзя извинить,
Можешь пить свою желчь до скончания жизни:
Жизнь нельзя сократить и нельзя удлинить.

415

Ты меня сотворил из земли и воды.
Ты – творец моей плоти, моей бороды.
Каждый умысел мой предначертан тобою.
Что ж мне делать? Спасибо сказать за труды?

416

Где вчерашние юноши, полные сил?
Всех без жалости серп небосвода скосил.
Горевать бесполезно: что было – то сплыло.
Дай вина, чтобы смертный бессмертья вкусил!

417

Да пребудет со мною любовь и вино!
Будь что будет: безумье, позор – все равно!
Чему быть суждено – неминуемо будет,
Но не больше того, чему быть суждено.

418

Те, в ком страсти волнуются, мысли кипят,-
Все на свете понять я изведать хотят.
Выпьют чашу до дна – и лишатся сознания,
И в объятиях смерти без памяти спят.

419

Чем за общее счастье без толку страдать -
Лучше счастье кому-нибудь близкому дать.
Лучше друга к себе привязать добротой,
Чем от пут человечество освободить.

420

Из верченья гончарного круга времен
Смысл извлек только тот, кто учен и умен,
Или пьяный, привычный к вращению мира,
Ничего ровным счетом не смыслящий в нем!

421

Мне с похмелья лекарство одно принеси,
Если мускусом пахнет оно, принеси,
Если вылечить хочешь Хайяма от скорби -
Ранним утром Хайяму вино принеси.

422

Этот райский, с ручьями журчащими край,-
Чем тебе не похож на обещанный рай?
Сколько хочешь валяйся на шелковой травке,
Пей вино и на ласковых гурий взирай!

423

Мы грешим, истребляя вино. Это так.

Из-за наших грехов процветает кабак.
Да простит нас аллах милосердный!
Иначе Милосердие божье проявится как?

424

Лучше пить и веселых красавиц ласкать,
Чем в постах и молитвах спасенья искать.
Если место в аду для влюбленных и пьяниц -
То кого же прикажете в рай допускать?

425

Вместо розы – колючка сухая сойдет.
Черный ад – вместо светлого рая сойдет.
Если нет под рукою муллы и мечети -
Поп сгодится и вера чужая сойдет!

426

Скакуна твоего, небом избранный шах,
Подковал золотыми гвоздями аллах,
Путь-дорогу серебряным выстелил снегом,
Чтоб копыта его не ступали во прах.

427

Из сиреновой тучи на зелень равнин
Целый день осыпается белый жасмин.
Наливаю подобную лилии чашу
Чистым розовым пламенем – лучшим из вин.

428

Вожделя, желаний своих не таи.
В лапах смерти угаснут желанья твои.
А пока мы не стали безжизненным прахом-
Виночерпий, живую водой напои!

429

Те, что ищут забвения в чистом вине,
Те, что молятся богу в ночной тишине,-
Все они, как во сне, над развернутой бездной,
А единый над ними не спит в вышине!

430

Трудно замыслы божьи постичь, старина,
Нет у этого неба ни верха, ни дна.
Сядь в укромном углу и довольствуйся малым:
Лишь бы сцена была хоть немного видна!

431

Если я напиваюсь и падаю с ног -
Это богу служение, а не порок.
Не могу же нарушить я замысел божий,
Если пьяницей быть предназначил мне бог!

432

О вино! Ты прочнее веревки любой.
Разум пьющего крепко опутан тобой.
Ты с душой обращаешься, словно с рабой.
Стать ее заставляешь самую собой.

433

Ты при всех на меня накликаешь позор:
Я безбожник, я пьяница, чуть ли не вор!
Я готов согласиться с твоими словами.
Но достоин ли ты выносить приговор?

434

Роза после дождя не просохла еще.
Жажда в сердце моем не заглохла еще.
Еще рано кабаки закрывать, виночерпий,
Солнце светит в оконные стекла еще!

435

Если бог не услышит меня в вышине -
Я молитвы свои обращу к сатане.
Если богу желанья мои неуютны -
Значит, дьявол внушает желанья мне!

436

Веселясь беззаботно, греша без конца,

Не теряю надежды на милость творца.
Снова, пьяный мертвецки, лежу под забором.
Лягу в землю – создатель простит мертвеца!

437

Пощади меня, боже, избавь от оков!
Их достойны святые – а я не таков.
Я подлец – если ты не жесток с подлецами.
Я глупец – если жалуешь ты дураков.

438

Счастлив тот, кто в шелку и парче не блистал,
Книгу славы мирской никогда не листал,
Кто, как птица Симург, отрешился от мира,
Но совою, подобно Хайяму, не стал.

439

Не рыдай! Ибо нам не дано выбирать:
Плачь не плачь – а придется и нам умирать,
Глиной ставшие мудрые головы наши
Завтра будет ногами гончар попирать.

440

Так как разум у нас в невысокой цене,
Так как только дурак безмятежен вполне -
Утоплю-ка остаток рассудка в вине:
Может статься, судьба улыбнется и мне!

441

Ты, всевышний, по-моему, жаден и стар.
Ты наносишь рабу за ударом удар.
Рай – награда безгрешным за их послушанье.
Дал бы что-нибудь мне не в награду, а в дар!

442

Чтобы Ты прегрешенья Хайяма простил -
Он поститься решил и мечеть посетил.
Но, увы, от волнения во время намаза
Громкий ветер ничтожный твой раб испустил!

443

Все, что видишь ты, – видимость только одна,
Только форма – а суть никому не видна.
Смысла этих картинок понять не пытайся -
Сядь спокойно в сторонке и выпей вина!

444

Дух мой чистый, ты гость в моем теле земном!
Я с утра подкреплю тебя чистым вином,
Чтобы ты не томился в обители праха,
До того как проститься со мной перед сном.

445

В жизни сей опьянение лучше всего,
Нежной гурии пение лучше всего,
Вольной мысли кипение лучше всего,
Всех запретов забвение лучше всего.

446

Я терплю издевательства неба давно,
Может быть, за терпенье в награду оно
Ниспошлет мне красавицу легкого нрава
И тяжелый кувшин ниспошлет заодно?

447

Был бы я благочестьем прославиться рад,
Был бы рад за грехи не отправиться в ад,
Но божественный сок твоих лоз, виноград,
Для души моей – лучшая из наград!

448

Не устану в неверном театре теней
Совершенства искать до конца своих дней.
Утверждаю: лицо твое – солнца светлее,
Утверждаю: твой стан – кипариса стройней.

449

Страстью раненный, слезы без устали лью.

Исцелить мое бедное сердце молю,
Ибо вместо напитка любовного небо
Кровью сердца наполнило чашу мою.

450

Много сект насчитал я в исламе. Из всех
Я избрал себе секту любовных утех.
Ты – мой бог! Подари же мне радости рая.
Слиться с богом, любовью пылая, – не грех!

451

О вино! Ты – живая вода, ты – исток
Вдохновенья и счастья, а я – твой пророк.
Я тебя прославляю в согласье с кораном:
Ведь сказал же аллах, что вино – не порок!

452

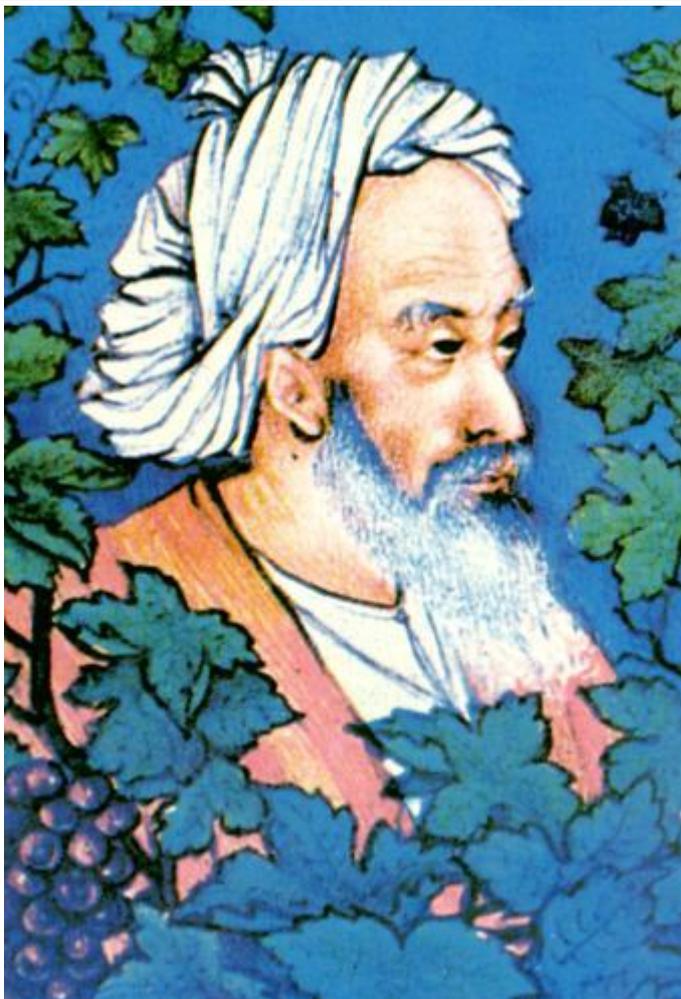
Мы похожи на циркуль, вдвоем, на траве:
Головы у единого тулова две,
Полный круг совершаем, на стержне вращаясь,
Чтобы снова совпасть головой к голове.

453

Я раскаянья полон на старости лет.
Нет прощенья мне, оправдания нет.
Я, безумец, не слушался божьих велений -
Делал все, чтобы только нарушить запрет!

Омар Хайям

(1048 -1123)

Гиясуддун Абуль Фатх ибн Ибрахим Омар Хайям Нишапури родился в 1048 году в Нишапуре, учился в этом городе, затем в крупнейших центрах науки того времени, в том числе в Балхе и Самарканде.

По оставшимся его научным трудам и сообщениям современников установлены некоторые детали биографии. Около 1069 г. он, находясь в Самарканде, написал трактат «О доказательствах задач алгебры и ал-мукабалы». А до этого были написаны два математических трактата. В 1071 г. возглавил крупнейшую астрономическую обсерваторию в Исфахане, в 1077 г. завершил работу над книгой «Комментарии к трудным постулатам книги Евклида», в 1079 г. вместе со своими сотрудниками ввел в действие календарь.

В середине 90-х годов XI в., после закрытия обсерватории, вызванного сменой правителей, Хайям совершил паломничество в Мекку. Об этом сообщает один из его недружелюбных биографов Ибн Ал-Кифти следующими словами: что он совершил паломничество «... придержав поводья своего языка и пера, из страха, а не из благочестия».

Около 1097 г. Хайям работает врачом при наместнике Хорасана. Возможно в это время он написал свой философский трактат на языке фарси - «О всеобщности бытия».

Последние 10-15 лет жизни Хайям провел в уединении в Нишапуре. Он мало общался с людьми. Об этом сообщает историк Бейхаки: «Был скуп в сочинении книг и преподавании...»

По-видимому, последние годы жизни Хайяма проходили тяжело. Он пишет:

Трясу надежды ветвь, но где желанный плод?
Как смертный нить судьбы в кромешной тьме найдет?
Тесна мне бытия печальная темница,-
О, если б дверь найти, что к вечности ведет.

Он дружил в эти годы только с книгой. Как сообщает Бейхаки, в последние часы своей жизни Хайям читал «Книгу исцеления» Ибн Сины. Он дошел до раздела «О единстве и всеобщности» философского сочинения, положил на это место зубочистку, встал, помолился и умер.

Таким образом, его биография мало отличается от типичной биографии ученого, стремительно поднятого на вершину служебной лестницы при одних правителях, интересы которых совпадают с его научными познаниями, и терпящего тяготы, опалу, когда на смену приходят другие правители.

Биографы, достаточно близкие к нему по времени, говорят в основном о его учености и научных трактатах.

Только Ибн Ал-Кифти пишет о стихах, «жалящих как змея».

В трудах советских исследователей на богатом фактическом материале неопровержимо доказаны исторические заслуги Омара Хайяма как ученого, который сделал ряд важнейших открытий в области астрономии, математики, физики и других наук. Например, математические исследования Хайяма и теперь имеют определенную ценность и переведены на разные языки.

Открытия Омара Хайяма впоследствии были подробно разработаны азербайджанским математиком Насреддином Туей и в его трудах дошли до европейских ученых.

Творчество Хайяма – это одно из удивительных явлений в истории культуры народов Средней Азии и Ирана, и, пожалуй, всего человечества.

Если его труды принесли огромную пользу в развитии наук, то замечательные четверостишия до сих пор покоряют читателей своей предельной емкостью, лаконичностью, простотой изобразительных средств, гибким ритмом.

О поэзии Омара Хайяма исследователи судят по-разному. Некоторые считают, что поэтическое творчество было для него просто забавой, которой он предавался в свободное от основных научных занятий время. И все же рубаи Хайяма, не зная ни временных, ни национальных границ, пережили века и династии, дошли до наших дней.

Маленькая книжечка живет на его родине, в соседних странах, во всем мире, переходит из рук в руки, из дома в дом, из страны в страну, из века в век, будоражит мысли, заставляет людей размышлять и спорить о мире, о жизни, о счастье, ограждает от религиозного дурмана, срывает маску благочестия со святош-ханжей.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что Хайям в своих строках очень высоко ценит человека:

Цель творца и вершина творения – мы.
Мудрость, разум, источник прозрения – мы.
Этот круг мироздания перстню подобен. -
В нем граненый алмаз, без сомнения, мы

Не сближает ли это Хайяма с деятелями эпохи Возрождения? Великие гуманисты, деятели Ренессанса считали, что «человек – мера всех вещей», он – «венец вселенной», и боролись за возвращение человеку утраченного достоинства.

Хайям страстно желал переустройства мира и делал для этого все, что в его силах: открывал законы природы, устремлял взгляд на звезды, вникал в тайны мироздания и помогал людям освободиться от духовного рабства. Он видел, что величайшее зло для человека – это религиозное заблуждение, что все религии сковывают человеческий дух, силу его разума. Хайям понимал, что только освободившись от этого, человек сможет жить свободно, счастливо.

Однако в творчестве Омара Хайяма немало сложных и противоречивых проблем.

Ученый, который в области математики, астрономии и физики сумел уйти намного вперед своего времени, отставал в понимании законов развития человеческого общества. В результате этого поэт, встретивший в жизни много трудностей, о которые одна за другой разбивались его благородные

мечты, переживший немало трагических моментов, в ряде своих рубаи уступает место фатализму, говорит о непредотвратимости судьбы, порой впадает в пессимизм.

Что миру до тебя? Ты перед ним – ничто:
Существование твое лишь дым, ничто.
Две бездны с двух сторон небытия зияют
И между ними ты, подобно им – ничто.

Скептическое отношение к жизни на земле, отрицание этой жизни, отшельничество было широко распространено на средневековом Востоке.

Этот мир считался временным, переходящим... Сотни, тысячи богословов и философов проповедовали, что вечную жизнь и блаженство можно найти только после смерти.

Однако даже в тех четверостишиях Хайяма, в которых на первый взгляд очень сильны пессимистические мотивы, мы в подтексте видим горячую любовь к реальной жизни и страстный протест против ее несовершенства.

Творчество Хайяма – еще одно доказательство того, что в средние века, в период инквизиции, всеобщего гнета темных религиозных сил, духовное развитие человеческого общества не останавливалось и не могло остановиться.

Научное и литературное наследие Омара Хайяма служило и служит Человеку, являясь яркой страницей в культуре народов мира.

Шаислам Шамухамедов.